

Книга Судей

Урок 26 - Главы 18 и 19.

Глава 18 книги Судей - это история о том, как колено Дана искало новое место для жизни. И, несмотря на появление этой истории в заключительных главах книги Судей, на самом деле это событие произошло всего через несколько десятилетий после смерти Иисуса Навина, примерно во времена первого судьи Израиля Гофонийла.

Чтобы объяснить, что эпоха судей была для Израиля периодом духовной тьмы, виновником которой было возвращение к старым обычаям их египетского стиля религии, смешанного с хананейскими и вавилонскими суевериями их соседей, здесь записано довольно подробное повествование о человеке по имени Миха, который живёт в северных холмах на территории Ефрема. Миха был состоятельным евреем (возможно, даже довольно богатым), и это отражено в предыдущей главе, где начинается история Михи, и он признаётся в краже 1100 сребреников у своей собственной матери (очень значительная сумма денег).

200 сребреников было использовано для отливки изображения Иеговы, которое должно было быть помещено в частном домашнем святилище Михи вместе с некоторыми другими богами и идолами. Миха зашёл так далеко, что даже нанял, а затем посвятил своим собственным авторитетом неграмотного левита в качестве своего священника. Таким образом, мы видим, насколько запутанной стала религия Израиля всего за одно поколение после того, как выдающееся руководство Иисуса Навина над Израилем закончилось с его смертью.

Надеюсь, мы сможем принять близко к сердцу, (если не естественно и неизбежно), что люди легко будут отходить от Божьей истины к заблуждению, которое им по душе, результатом будет набор (или много наборов) традиций, обычаев и доктрин, которые звучат довольно благочестиво, хорошо, мирно и правильно. Но на самом деле многие из этих доктрин не соответствуют Слову Божьему. Вероятно, иудео-христианство можно рассматривать как яркий пример во всей истории такого рода синкретизма, который смешивает культуру, повестку дня, личные предпочтения и общий уровень комфорта с божественным указанием, поэтому нам не нужно так удивляться тому, что мы здесь читаем, если мы просто честно оценим сегодняшнее положение иудаизма и церкви и сравним его с самой Библией.

И, конечно же, Михей, его молодой священник и мужчины из колена Дана, которые приходят навестить их, не видят никакой неправильности в своём мышлении, они не видят зла в своих действиях, они не видят извращения в

своём поклонении Богу. И все же вся эта история - о заблудшей вере и людях, которые её отрицают.

Когда мы закончили наш последний урок, разведчики из Дана возвращались в дом Михи после того, что, по их мнению, было удивительно успешным путешествием. Они наткнулись на идеальное место для переселения своего колена. Это место называлось Лаис и находилось недалеко от границы с Ливаном. Город был населён миролюбивым народом, у которого не было явных союзов с какими-либо грозными царями или принцами, а местность была плодородной и изобиловала водой. Оборонительных сооружений у города почти не существовало, и поэтому даниты могли довольно легко завоевать город.

После того, как разведчики вернулись в данитские города Цора и Ештаол и сообщили о своей находке старейшинам и вождям племён, 600 солдат и их семьи собрали вещи и направились на север, чтобы забрать свою добычу у ничего не подозревающих жителей Лайса. Эта колонна из примерно 3000 данитян следовала по тропе, которая шла неподалёку от дома Михи, где 5 разведчиков решили украсть идола **Яхве**, принадлежащего Михе, и взять его священника с собой, чтобы он стал их собственным священником. Священник Михи не был похищен, ему предложили более престижную работу: быть священником целого города и колена, в то время как в настоящее время он был священником только для одной семьи. Это было слишком заманчивое предложение, чтобы не принять его.

Давайте начнём со стиха 22 и прочитаем остальные стихи 18 главы книги Судей.

ПЕРЕЧИТАЙТЕ 18 ГЛАВУ КНИГИ СУДЕЙ с 22 стиха до конца главы.

Михей и люди, которые жили в его деревне, были очень расстроены тем, что солдаты Дана забрали их идолов и их священника, поэтому они некоторое время следовали за ними, а затем столкнулись с ними лицом к лицу. Поскольку у Дана было 600 человек, готовых сражаться, и, по-видимому, с желанием сделать это, они пригрозили Михе и его отряду смертью, если они будут и дальше требовать возвращения своих идолов и ритуальных принадлежностей. Зная, что они не смогут выиграть битву с Даном, Михе и его отряд вернулись домой с пустыми руками.

Стих 27 объясняет, что Дан сделал то, для чего они пришли, когда они достигли Лайса, они напали, убили людей и сожгли город. И конечно же, никто не пришёл на помощь жителям Лайса.

По обычаю, Лаис был переименован в Дан, они установили серебряное изображение, украденное у Михея, и начали своё культовое поклонение во

главе с молодым левитом. Я говорил вам на прошлом уроке, что этот левит не был настоящим уполномоченным Богом священником, потому что он не принадлежал к надлежащей священнической линии колена Левия, и я сказал вам, что на этом уроке расскажу, откуда я это знаю. Что ж, вот откуда мы это узнаём: в стихе 30 объясняется, что этого левита зовут Ионафан, и что он из клана Гирсона. Проблема в том, что Гирсон был кланом обычных левитов, в то время как священниками могли быть только представители клана Аарона. Но есть также сбивающая с толку ссылка на Манассию, содержащаяся в информации о личности этого левита, но Манассия никоим образом не связан с коленом Левия. Так что же это значит? Давайте кратко рассмотрим это, потому что это даёт интересное представление об умах тех, кто написал Библию, которую мы читаем сегодня.

Проблема заключается в ошибке перевода, которая является несколько преднамеренной. Согласные, образующие имя семьи Ионафана (как написано в самых старых доступных текстах), которые переводятся во многих Библиях как Манассия это **м-ш-н**, или в еврейском алфавите **мем-шин-хе** מ-ש-נ, это те же согласные, которые образуют имя Моисей (помните, что в оригинальном еврейском письме используются только согласные и никаких гласных). Однако мы обнаруживаем, что в некоторых древнееврейских текстах между **м** и **ш** вставлена крошечная буква **н**, т.е. между **мем** מ и **шин** ש вставлена буква **нун** נ, такая комбинация букв מ-ש-נ-נ составляет имя Манассия. Дело в том, что букве **нун** там не место, она была добавлена позже редактором, который не хотел искажать текст, но, по странному образу мыслей, сделал букву «**нун**» крошечной и поместил её над другими буквами, тем самым позволив читателю выбрать, прочитав «Моисей» или «Манассия». Зачем было это делать? Что ж, если оставить **нун** в покое, то там говорится, что Ионафан был из клана Гирсона, сына Моисея, если добавить **нун**, говорится, что Ионафан был из клана Гирсона, но Гирсон был сыном Манассии. Талмуд объясняет эту аномалию и стоящую за ней причину следующим образом:

«Был ли он (Ионафан) сыном Гирсона или он был сыном (потомком) Моисея? Как написано, сыновьями Моисея были Гирсон и Елеазар. Но из-за (злых) деяний Манассии, сына Езекии-идолопоклонника, Священное Писание относит Гирсона к семье Манассии. Рабби Бар Чанна сказал: пророк старательно избегал называть Гирсона сыном Моисея, потому что для Моисея было позором иметь нечестивого сына (имеется в виду Ионафан). Поэтому он (более поздний редактор книги Судей) называет этого человека сыном Манассии, поднимая **нун** над строкой, чтобы показать, что она может быть либо вставлена, либо опущена».

Итог: кто бы ни редактировал древнейшие еврейские Писания, которые мы имеем в настоящее время, он счёл неуважением к Моисею связать с ним этого

левита, переодетого священником. Поскольку Манассия был известен как идолопоклонник, было лучше причислить этого фальшивого священника к родословной Манассии, а не пятнать его именем род Моисея. Интересно, что греческая Септуагинта (написанная примерно за 250 лет до Рождества Христова) не предлагала такого варианта, и она более точно говорит, что Ионафан действительно был потомком Моисея, каковым он и являлся. Это НЕ единственное место в Библии, где происходят подобные вещи, и иногда я делаю паузу, чтобы указать вам на них, когда это уместно. Давайте двигаться дальше.

Эта глава заканчивается интересной ссылкой на идола Михи, который использовался коленом Дана **«всё время, пока шатёр Божий находился в Силоме»**. Силом был местом, где была возведена скиния (обычно называемая домом Божьим) и где она находилась, когда Израиль вошёл в землю обетованную. Именно там действовало официальное священство. Позже он будет перенесён в Бейт-Эль, и мы даже обнаружим, что ковчег завета перемещается гораздо чаще, чем сам священный шатёр. Дело в том, что почти сразу после того, как Иисуса Навина не стало, каждый элемент еврейского общества начал деградировать с ужасающей скоростью. Поэтому звучит и повторяется основной посыл всей книги Судей: «В то время не было царя в Израиле. И каждый делал то, что считал правильным».

Откройте свои Библии на 19 главе книги Судей.

ПРОЧИТАЙТЕ всю 19 ГЛАВУ КНИГИ СУДЕЙ.

Эта история произошла даже раньше, чем история Михи, с его серебряным образом Бога и левитом, который выдавал себя за священника. Она представляет собой одно из самых позорных оскорблений Господа, зафиксированных в Священном Писании, на которое ссылались авторы библейских писаний гораздо более поздних эпох (настолько хорошо известен и повторялся этот печальный эпизод).

19 глава книги Судей начинается со слов: **«В те времена у Израиля не было царя»**. Там не было закона и порядка, потому что не было централизованной власти. Фраза про странствующего левита, жившего на холмах Ефрема, звучит ужасно похоже на нашу предыдущую историю, но это не тот же самый человек, это упоминание иллюстрирует, что наёмный левит Михи вовсе не был единичным случаем, для левитов стало обычным делом искать положение и продвижение везде, где только можно.

Дело в том, что этот анонимный левит, живущий в более северном районе Ефрема, взял наложницу, чей семейный дом находился в Бейт-Лехеме Иудейском, это означает, что она принадлежала к колену Иуды, а не Левия. Но в какой-то момент возникла серьёзная проблема, и женщина оставила его и

вернулась к своему отцу. Стих 2 объясняет природу проблемы, но верно ли? Некоторые переводы говорят, что наложница была неверна своему мужу-левиту, а другие прямо говорят, что она вела себя как блудница. И последние абсолютно правы, потому что еврейское слово, используемое для её описания, гласило, что она была **зона́**, что означает блудница, в некоторых рукописях записано, что она вела себя **зона́**, что означает, что она грешила.

Однако есть переводы, где сказано, что она рассердилась на своего мужа и ушла от него. И это одинаково хорошие переводы, потому что они взяты из древних арамейских текстов, а также из греческой Септуагинты, в которых говорится о гневе, а НЕ о неверности или сексуальной безнравственности. Общее мнение раввинов заключается в том, что левит и его наложница поссорились по какой-то неясной причине, и она не была ему неверна (по крайней мере, в сексуальном плане). Причина в том, что как по закону Моисея, так и по обычаям и традициям той эпохи наложница или жена, вступившие в прелюбодейную связь, подлежали немедленной казни. И в этой истории нет ни малейшего намёка на то, что ей угрожала казнь.

Позвольте мне напомнить вам, что наложница (**пилэгеш** на иврите) была кем-то вроде жены второго сорта. В Библии было принято называть этого мужчину её мужем. Упрощённо говоря, разница между наложницей и женой заключалась в том, что жена имела больше прав и имела брачный контракт. Но наложницы не были рабынями, с ними нельзя было обращаться плохо, как и с законной женой, и они не приобретались в качестве любовниц, как иногда об этом ошибочно говорят.

В стихе 3 мы видим, что её муж был настолько обеспокоен за неё, что через 4 месяца (даже если это был всего лишь эгоистичный порыв) предпринял довольно продолжительное путешествие из северной горной местности в Вифлеем в Иудее, чтобы попытаться вернуть её. Он взял с собой слугу (несомненно, для защиты, поскольку путешествовать в одиночку в те дни было опасно) и двух ослов. Один из них предназначался для того, чтобы она на обратном пути ехала верхом (надеюсь). Несомненно, также были взяты с собой подарки как для наложницы, так и для её отца.

Тот факт, что муж пошёл за ней в дом её отца, показывает, что, что бы ни стало причиной разрыва, она не была непримиримой, и об этом также говорит то, что её отец был рад встретиться с ним. Перевод: отец испытал БОЛЬШОЕ облегчение, узнав, что его дочь вернётся к своему мужу. Я говорю это не в том смысле, в каком это, вероятно, звучит для нас сегодня (как будто он хотел избавиться от своей дочери), а скорее в том смысле, что для семьи было очень бесчестно, когда девушка выходила замуж (или становилась наложницей), а затем разлучалась со своим мужем. Если (не дай Бог) разлука перерастала в прямой развод, это навлекало большой позор на всю семью, независимо от

причины или того, кто мог быть виноват. Отец из кожи вон лез, чтобы этого не произошло.

На 4-й день после своего прибытия левит готов был уйти, но тесть хотел, чтобы он остался ещё ненадолго. Вероятно, это был простой вопрос ближневосточного гостеприимства, гости приходили редко, а протокол требовал максимально использовать совместное время. Тесть настаивал на том, чтобы левит остался, и тот согласился, но на 5-й день он взял свою наложницу и уехал во второй половине дня.

Левит, его наложница и его слуга отправились домой, и их маршрут привёл их в Иевус, так назывался город, который в конечном итоге будет переименован в Иерусалим. Иевус находился примерно в 10 км от Вифлеема, примерно в 2 часах ходьбы. Люди, которые основали город и контролировали его, назывались Иевусеями, и они были просто ещё одной группой хананеев. Поскольку время близилось к закату, слуга предложил им провести ночь внутри массивных оборонительных стен Иевуса, но левит отказался, потому что Иевус действительно не был городом израильтян. Вместо этого он предпочёл, чтобы они проехали немного дальше и остановились в деревне или городе, которые были заняты евреями: Гиве или Раме.

Они добрались до Гивы только к тому времени, как стемнело, поэтому остановились там. Гива находилась на территории Вениамина, и поэтому её жители были израильтянами.

В стихе 15 объясняется, что они вошли в город и сели в том месте, которое мы с вами назвали бы городской площадью, она располагалась сразу за городскими воротами, это делало её заметной для входящих и выходящих из ворот жителей города. Однако есть намёк на то, что должно было произойти, ведь причина, по которой они сидели на площади, заключается в том, что никто не предложил им гостеприимства, никто не дал им место для ночлега. В ту эпоху это было священным долгом, и неспособность местных жителей предложить отдых и пропитание путешественнику (особенно тому, у кого, очевидно, были средства прокормить себя и своих животных, если понадобится) была признаком того, что у этих людей был плохой характер.

С наступлением темноты через городские ворота вошёл старик, который работал на полях, окружающих Гиву. Так совпало, что этот старик был родом из той же местности, что и левит, и не был ни постоянным жителем Гивы, ни из колена Вениаминова. То, что старик не разделял нравов Гивы, очевидно из того, что он поступает правильно и предлагает левиту, его наложнице и слуге, переночевать в его жилище.

Конечно, старик сначала расспрашивает о них и задаёт логичный вопрос: «Куда вы идёте и откуда вы?» Левит говорит правду и объясняет, откуда он

родом и что он возвращается туда, но последняя часть ответа вызывает недоумение. Он говорит, что идёт в дом Адоная (или, точнее, в Бейт-Иегова). Но что значит, что он идёт в дом Иеговы? Почти наверняка он просто говорил, что собирается вернуться домой через Силом, где в настоящее время находится скиния. Он был левитом, и поэтому было логично, что, раз у него есть такая возможность, он посетит скинию, дом священства, и пойдёт туда, чтобы принести жертву. Но в этом есть ещё один подтекст, на который указывают некоторые еврейские учёные: путешественник-левит, вероятно, был узнаваем как левит. Левиты по какой-то причине быстро выработали диалект или акцент (как мы видели, сыгравший определённую роль в предыдущей истории), который достаточно отличался от других евреев, чтобы можно было их идентифицировать. Вполне возможно, что он также носил одежду или какой-то ритуальный предмет одежды, который выдавал в нём левита. В любом случае ПРИЧИНА, по которой в городе Гива ему не предложили гостеприимства, заключалась в том, что они не хотели иметь ничего общего со священническим племенем. Возможно, они и были израильтянами, но их сердца были далеки от Бога.

Левит объяснил старику, что, хотя они никому не будут в тягость (потому что они взяли с собой всю свою провизию), горожане отказались предложить им приют, поэтому старик говорит, чтобы они приходили и оставались у него, но ни в коем случае не оставались на городской площади ночью. Совет не ночевать на городской площади (что было бы законно и безопасно при большинстве обстоятельств), не имел отношения к дискомфорту при такой ночёвке, скорее это было страшное предупреждение от того, кто хорошо знал этих горожан.

Следующая сцена напоминает о печальном приключении Лота, когда он жил в городе Содоме. Старик принимал у себя гостей, когда внезапно раздался стук в его дверь. Его дом был окружён какими-то никчемными людьми из Гивы, которые требовали, чтобы он выдал левита, чтобы они могли заняться с ним гомосексуальным сексом. На иврите этих никчемных людей называют бен-Велиал, или сыны Велиала, что является очень уничижительным выражением. Оно используется во многих местах Библии и используется для обозначения тех, кто совершает идолопоклонство, или грубое восстание против Бога, или кто совершает непристойные и аморальные поступки. И там написано, что эти сыны Велиала **дафáк** по двери старика. Это слово определённо не означает стучать, и даже не означает просто бить. Скорее оно означает ЯРОСТНО бить со всё возрастающей силой. Это была толпа, которая серьёзно относилась к делу и не собиралась принимать «нет» в качестве ответа.

Старик должен был разобраться с этой ситуацией, он не мог просто забиться внутрь и надеяться, что эти извращенцы уйдут. Поэтому он открыл свою

дверь, чтобы обратиться к ним. Теперь, прежде чем я расскажу вам, что он предложил толпе в надежде успокоить её, позвольте мне сначала объяснить, почему он это предложил. Я много раз объяснял восточное мышление в отношении гостеприимства. Среди нескольких вещей, которые подразумевало гостеприимство в ту эпоху, защита гостей имела первостепенное значение. Не было большего позора для хозяина, чем позволить чему-то ужасному случиться с гостем в его доме. Хозяева были обязаны (по обычаю) защищать своих гостей ценой собственной жизни или жизни своей семьи, если это было необходимо. Точно так же, как сегодня в семьях существует негласная иерархия, согласно которой взрослые члены семьи защищают детей любой ценой (а также старшие дети защищают младших детей почти инстинктивно), то же самое происходило в семьях, которые принимали путешественников, даже если они их никогда раньше не встречали.

Поэтому старик предлагает отправить свою собственную незамужнюю дочь, а также наложницу левита, чтобы они подверглись групповому изнасилованию в обмен на безопасность мужчин. В древние времена и до сих пор во многих восточных обществах (включая более фундаментальные секты ислама) женщины были движимым имуществом. Женщины имеют гораздо меньшую ценность, чем мужчины, и очень часто меньшую, чем сельскохозяйственные животные. Закон Моисея был первым законом, который ставил женщин наравне с мужчинами, настаивал на гуманном обращении с женщинами и предоставлял женщинам гораздо больше прав, чем они когда-либо имели. Не поймите меня неправильно, Библия по-прежнему представляет иерархию, в которой мужчины должны быть авторитетом. Но мужчины должны быть властью над женщинами в любви и с целью заботы о женщинах, а не с целью их использования или фактического порабощения.

Однако общемировые обычаи и традиции проникают везде. И еврейское общество оставалось обществом, в котором доминировали мужчины. То, что мы видим, происходит в этом отношении с женщинами, неприемлемо перед Господом.

Позвольте мне также указать на то, что делает эту историю такой необычайно шокирующей. Конечно, то, что гомосексуальность находится в центре всего этого, неоспоримо, и она находится на вершине списка безбожных извращений во всей Библии, Ветхом Завете и Новом Завете. Но что мы также должны видеть, что, хотя мы уже были свидетелями всего этого раньше в истории Содомы и Гоморры, по крайней мере, жители этих городов были язычниками, они не знали Бога. А жители Гивы, которые требуют гостей старика здесь, в книге Судей, - это евреи, они - Вениамитяне. У них была Тора. Их родители участвовали в исходе. Иисус Навин умер совсем недавно. Эта

толпа состояла из Божьего обособленного народа, который был удалён от Моисея не более чем на одно поколение.

Старик передал свою дочь и наложницу левита жителям Гивы (без сомнения, с согласия левита, который решил пожертвовать этой женщиной, чтобы спасти себя). Над ними издевались всю ночь напролёт и прекратили только на рассвете. О дочери старика больше ничего не говорится, но нам сообщают, что наложница каким-то образом добралась до порога дома, где прятался её муж, и там умерла от полученных травм, протянув руки к запертой двери.

На рассвете левит вышел на улицу, чтобы уйти, и там нашёл свою женщину. Он велел ей встать, чтобы они могли идти своей дорогой, но, конечно, ответа не последовало. Он сразу понял, что она мертва, поэтому погрузил её труп на одного из двух ослов и отправился домой.

Это демонстрирует не только ужасные действия жителей Гивы, но и чёрствое и холодное сердце левита, который совершенно равнодушен к страданиям своей наложницы. В начале этой истории я сказал, что подозреваю, что причина, по которой левит отправился за своей наложницей после того, как она в гневе бросила его и отправилась домой к своему отцу, была эгоистичной. Он предпочитал быть в её обществе, чем без него, но это всё, что его волновало. Возможно, он думал, что её уход от него поставит его в неловкое положение. То, что он отправился в Вифлеем, чтобы забрать её обратно с подарками и ослом, чтобы она могла ехать домой, было просто ценой, необходимой, чтобы вернуть её, ценой, которую он мог себе позволить без особого дискомфорта. Но эта цена, конечно, не включала в себя никакого риска или раскаяния с его стороны, и это не означало, что он будет любить её и защищать.

Грех Гивы долго будут помнить и упоминать много веков спустя в книге Пророка Осии, настолько велик был позор, который они навлекли на весь Израиль.

Осия 9:9: «Израильтяне глубоко погрязли в грехе, как во времена Гивы. Бог вспомнит их нечестивость и накажет их за грехи».

Осия 10:9: «Израиль грешил со времён Гивы, и те люди продолжали там грешить, поэтому война уничтожит этот злой народ».

Когда левит вернулся домой, он совершил нечто настолько радикальное, что трудно даже читать об этом без содрогания: он взял тело своей наложницы и разрезал его на 12 частей, отправив по одной части с посыльным в каждое израильское колено.

Я даже не знаю, с чего начать говорить об этом. Левит, очевидно, не испытывал никакого уважения к своей наложнице ни до, ни после её смерти.

То, что он разрезал её тело на куски, - это ужасное осквернение, которое просто недопустимо по стандартам Торы. Она должна была быть должным образом похоронена, а не использоваться этим левитом как средство проявления своего гнева. Но еврейское слово, используемое для обозначения «разрезания» или (лучше) «разделения» её тела на части, - это слово, которое обычно используется для описания ритуала в скинии - **хата́х**. **Хатах** означает разделять жертвенное животное на части для возложения на алтарь всесожжения. То, что оно используется здесь, неуместно и, таким образом, по-видимому, указывает на то, что у левита было какое-то бредовое чувство благочестия, или праведный гнев, или извращённая вера в то, что если он был тем, кто разделял мясо (потому что он был левитом), то это делало это надлежащим религиозным актом.

Вкупе с другим молодым левитом из предыдущей истории, который позволил себе стать священником (когда он не был надлежащего происхождения) и даже поклоняться тераф́имам (идолам богов), а затем оставить Михея, чтобы стать священником для колена Дана и основать культ богослужения в Лаисе, эта ситуация рисует довольно плохую картину еврейских религиозных лидеров эпохи судей.

Видите ли, левиты были мясниками той эпохи. Они были хорошо обучены тому, как препарировать животное для жертвоприношения, а затем, позже, как готовить животное в пищу в соответствии с кошерными традициями, которые постепенно развивались. Даже сегодня кошерными мясными лавками обычно управляют левиты. Этот левит просто применил своё умение к своей мёртвой наложнице по личным причинам.

Подобные вещи не остаются незамеченными. В стихе 30 объясняется, что, когда люди увидели это, они были потрясены, поскольку никогда не видели, чтобы происходили такие ужасные вещи (по крайней мере, в их собственной культуре). У всех на уме был вопрос: что со всем этим делать? Что следует делать с гомосексуалистами в Гиве, которые буквально изнасиловали наложницу до смерти?

Но также, что следует делать с коленом Вениамина в целом, которое не проявило достаточного интереса к этому вопросу, чтобы привлечь этих людей к ответственности? Именно об этом говорится в последних двух главах книги Судей, и мы вернёмся к этому на следующем уроке.